

Глава 1. Права человека: предмет политической науки и междисциплинарная концепция¹.

Сегодня использование понятия «права человека» стало достаточно широким как в обыденной жизни, так и в общественно-политических процессах, все большее место оно занимает и в академических исследованиях. В то же время в науке, и прежде всего в юридической и политической науках, пока отсутствует общепринятое и единое определение этого понятия.

Сегодня в различных словарях и энциклопедиях можно встретить самые различные определения этого понятия, от сведения их к «равным возможностям удовлетворять свои основные потребности»², или, несколько шире, к «возможностям, правомочиям, потенциам действий человека в определенной, указанной в законе сфере»³, до более развернутых определений. Так, например, Большой юридический словарь определяет права человека как «понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах... По господствующим в современном мире представлениям права человека носят естественный и неотчуждаемый характер»⁴.

В Британской энциклопедии указывается, что «Права человека - права, принадлежащие индивиду вследствие того, что он является человеком. Они соотносятся с широким континуумом ценностей, и в некотором смысле равно присущи всем человеческим существам»⁵.

В словаре-справочнике по проблемам безопасности дается такое определение: «Права человека — система принципов, норм, правил и традиций взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающая индивиду, во-первых, возможность действовать по своему усмотрению (эта часть прав обычно называется свободами); во-вторых, получать определенные материальные, духовные и иные блага (собственно права)»⁶.

Наконец, в своей недавней статье Д.И.Луковская дает такое определение: «Права человека – это общая и равная для всех мера (норма) свободы (возможного поведения), необходимая для удовлетворения потребностей его существования, развития, самореализации, которая в тех или иных конкретно-исторических условиях определяется взаимным признанием свободы субъектами правового общения и не зависит от ее

¹ Опубликовано в: Права человека перед вызовами XXI века. / под ред. В.В.Смирнова и А.Ю.Сунгурова. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 10-29.

² Энциклопедический словарь "Кругосвет"
http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/PRAVA_CHELOVEKA.html?page=0.0

³ Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/961/%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%90

⁴ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007.

⁵ The New Encyclopedia: Micropaedia. Vol. 6. L., 1988. P. 986.

⁶ Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник / Автор-сост. профессор В. Ф. Пилипенко. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005.

официальной фиксации государством, хотя и нуждается в государственном признании и гарантировании»⁷.

Мы видим, таким образом, что права человека определяются и как понятие, и как система принципов, норм и традиций, и как мера свободы. Рассмотрение этих и многих иных определений⁸, позволило нам выявить пять «измерений» или проекций обсуждаемого понятия:

- Права человека как синоним свободы:
- Права человека как отражение достоинства личности:
- Права человека как притязание на обладание определенными предпосылками и возможностями:
- Права человека как характеристика отношения "человек-государство":
- Права человека как инструмент ограничения власти.

На основе выполненного анализа, нами было предложено следующее определение: «Права человека - это понятие, тесно связанное с понятием свободы, понятие, отражающее как само достоинство человеческой личности, так и притязание на обладание конкретными возможностями, позволяющими сделать жизнь этой личности действительно достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношений человек-государство и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком»⁹.

Это определение (или, рассуждаю более строго, описание интересующего нас понятия), сформулированное уже около десяти лет тому назад, кажется нам и сегодня достаточно функциональным и облегчающим «вхождение в сущность» интересующего нас концепта, содержание которого постоянно вновь создается в процессе коммуникаций по поводу прав человека. Здесь целесообразно выделить по крайней мере три возможных «круга», сообществ, в рамках которых собственно и происходят эти коммуникации, обсуждается как сама концепция прав человека, так и связанные с ней проблемы. Так как мы подходим к анализу прав человека прежде всего с политологической точки зрения, то это прежде всего собственно политология прав человека, права человека как объект изучения политической науки и как фактор, оказывающий существенное влияние на политику, понимаемую как взаимоотношения по поводу власти. Во вторых, это междисциплинарное академическое сообщество специалистов, заинтересованных в теме прав человека – юристов, антропологов, философов, социологов, культурологов и самих политологов. При этом наиболее развит дискурс прав человека, конечно же, в правоведении. Если бы мы начинали свой анализ в рамках правоведения, то первым кругом стал бы, соответственно, юридический аспект прав человека.

Наконец, в третьих, это экспертно-активистское сообщество, включающее как участников первых двух «кругов», так и «рефлексирующих» активистов правозащитных НКО и сотрудников государственных правозащитных структур, таких, например, как Уполномоченные по правам человека вместе с их аппаратом. В последнее время

⁷ Дженовра Луковская. Проблема универсальности прав человека. // История государства и права, 2007, № 12. С.32-35.

⁸ Подробнее см.: Александр Сунгуров. Права человека и другие близкие понятия: подходы к пониманию.// Права человека / Серия «Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ». Выпуск 7. СПб.: Норма, 2010. С. 7-30.

⁹ Сунгуров А.Ю. Права человека как инструмент очеловечивания власти. // Civitas, 2003, 2, с. 31-35. <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=304>

участником этого круга становится и православная церковь, иерархи которой предлагают свою трактовку обсуждаемого понятия¹⁰.

Предметом настоящего текста (как, впрочем, и всей книги) является краткое рассмотрение состояния научных дискуссий (в рамках политической науки и в рамках междисциплинарных обсуждений) как возможных ответов на вызовы XXI века. Примером обсуждения проблем прав человека в рамках третьего подхода могут служить, например выпуски журнала «Российский бюллетень по правам человека», издаваемого московским Институтом прав человека (исполнительный директор В.М.Гефтер)¹¹ или в сборниках по итогам конференций с участием Уполномоченных по правам человека и общественных правозащитников¹².

Политология прав человека

Прежде всего, предметом анализа здесь являются процессы появления, развития и эволюции концепции прав человека как значимой, а возможно, и определяющей части идеологии либерализма, включая и либеральную школу в теории международных отношений. Таким образом, в этом направлении права человека обсуждаются в контексте подходов политической философии и нормативной политической теории. Эволюция представлений о правах человека здесь рассматривается параллельно с эволюцией и изменениями самого либерального направления политической мысли – от классического либерализма времен Локка, Монтескье и Дж.Стюарта Милля, до современных течений либерализма и неолиберализма. Именно в этом направлении, в направлении учета наряду с понятием достоинства и свободы и понятия справедливости, происходило и развитие самих представлений о правах человека, постепенного дополнения прав первого поколения – личных и политических прав правами второго поколения – социально-экономическими и культурными правами. Важную роль здесь сыграла знаменитая книга Джона Роулза «Теория справедливости»¹³, в которой было представлено обоснование необходимости перераспределительных процедур в человеческом обществе, и ее яркая критика коллегой Роулза по Гарвардскому Университету Робертом Нозиком, отстаивающим, как мы можем сказать сейчас, безусловный приоритет первого поколения прав человека¹⁴.

В центре внимания политической философии находится также такое понятие, неразрывно связанное с правами человека, как свобода. Обсуждение двух взглядов на свободу – «свобода от» и «свобода для» находится в тесной связи с «негативной» (что власть не должны делать по отношению к человеку) и «позитивной» (что власть должна делать для человека) трактовками прав человека. Различные разновидности либерального

¹⁰ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008.

¹¹ Номера этого издания можно найти на веб-сайте Института прав человека www.hrightrights.ru

¹² Права человека в контексте российской модернизации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (17-18 мая 2006 г., г. Пермь). – Пермь: НОУ «Западно-Уральский институт экономики и права», 2007; Институт Уполномоченного по правам человека в России: опыт ветеранов и позиции экспертов. – СПб.: Норма, 2011.

¹³ Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995, <http://ethicscenter.ru/biblio/b1.html>; Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1989.

¹⁴ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008; Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y.: Basic Books, 1974.

подхода к правам человека сегодня активно обсуждаются в работах зарубежных¹⁵ и российских¹⁶ политических философов и специалистов в области нормативной политической теории.

Подчеркнем также, что сегодня представления о правах человека вошли, причем вошли достаточно органично, не только в основу либеральной политической мысли, но и в корпус идей консервативной и социал-демократической направлений. Так, современные консерваторы критикуют социал-демократов на чрезмерное расширение компетенции государства, вторгающегося в такие фундаментальные права человека, как право на собственность и свободу контракта. С другой стороны, защита социально-экономических прав человека становится сегодня одним из основных требований левых движений и политических партий. Сегодня негативное отношение к концепции прав человека характерно лишь для крайних, радикальных сегментов политического спектра, для их более умеренных коллег концепция прав человека, несмотря на несогласие по ее отдельным частностям, становится «общей площадкой», дающей возможность для политического сотрудничества¹⁷.

С концепцией прав человека тесно связаны направления решения такой острой проблемы современности, как усиление в условиях глобализации человеческих потоков как внутри больших стран, так и между различными странами и континентами. Характерно в этой связи название второго доклада, подготовленного Центром стратегических исследований ПФО – «Государство. Антропоток»¹⁸.

И опять таки, если не брать радикальные, экстремистские края политического спектра, основные дискуссии о том, как найти оптимум между необходимостью инкорпорации мигрантов, и сохранением национально-культурных особенностей принимающей страны (где, как правило, реализуются более высокие стандарты прав человека, чем в странах исхода), ведутся в поле прав человека, пусть и с различными акцентами. Так, сторонники последовательного мультикультурализма, акцентируют внимание на коллективных, групповых правах человека, например, на праве этнических и религиозных групп соблюдать свои обычаи в отношениях мужчин и женщин, включая и обязанность девушек носить хиджабы, и подчиненное положение женщин в семье. Сторонники же приоритета личных, индивидуальных прав человека выступают, например, против дискриминации женщин, против ношения явных предметов религиозной принадлежности в светских школах и т.д.¹⁹. В целом можно сказать, что сторонники более левых взглядов чаще придерживаются последовательного

¹⁵ См., например: Дворкин, Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М.: РОССПЕН, 2005; Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1977; Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Will Kymlicka. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, Citizenship- Oxford: Oxford University Press, 2001.

¹⁶ См., например: Капустин Б.Г. Тезисы о политической философии. // Полис, 2010, №2. С. 22-30; А.А.Кара-Мурза. Либерализм против хаоса // Полис, 1994, №3. С. 118-124; Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. М.: Памятники политической мысли России, 1998. Глава 1;

¹⁷ См., например: Карцов А.С. Толкование Конвенции: «консерваторы» versus «либералы». // Европейская конвенция по правам человека: теоретические проблемы и практика реализации в современной России. Сб. статей / Под ред. В.А.Ачкасова. СПб: Изд-во СПб университета, 2002. с. 146-156.

¹⁸ Государство. Антропоток. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. – Нижний Новгород – Москва, 2002 г.

¹⁹ Д.В.Дубровский. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики. // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. / Под ред. О.Ю.Малиновой и А.Ю.Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005. С.20-27. <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=394>; П.В.Романов, Е.Р.Ярская-Смирнова Антропология прав человека: универсализм и релятивизм. //Там же. С.31-41. <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=395>.

мультикультурализма, при этом важно отметить, что по самой своей идее мультикультурализм противоречит принципу универсальности прав человека²⁰. В то же время умеренные версии мультикультурализма вполне совместимы с самим принципом уважения к правам человека²¹.

С темой отношения к людям различных культур, соотношения прав мигрантов с правами «коренного населения» тесно связана и еще одна тема, которая является сегодня и темой публичных обсуждений и направлением программ воспитания и образования – а именно тема толерантности. В России, как и в большинстве европейских стран существуют программы обучения и воспитания толерантности, но консенсуса в необходимости этих программ в нашей стране существенно меньше, чем в странах западной и центральной Европы, примером чего служит досрочное прекращение федеральной целевой программы воспитания толерантности в середине нулевых годов. Ясно при этом, что сам принцип толерантности к иным мнениям и обычаям является одним из центральных положений в либерализме, и тесно связан с принципом уважения прав человека. Проблемы возникают в трактовке пределов толерантности, которые вызывают существенно больше вопросов, чем понятие прав человека, так как связано с формированием позиции самих людей по отношению друг к другу, а не только с требованием к власти уважать мои и наши права²².

Как справедливо отмечает М.Б.Хомяков, речь о толерантности начинает идти лишь тогда, когда эта самая мультикультурность становится причиной глубоких конфликтов, а потому в проблеме толерантности мультикультурализм схватывается в точке наивысшей напряженности своего бытия»²³. Иначе говоря, «мультикультурализм становится проблемой, когда конфликты между группами по поводу ценностей либо их интерпретаций не могут спокойно существовать в рамках той или иной социальной структуры»²⁴. В реальности, особенно сегодня, вопрос о толерантности обнажает перед нами проблематичность мультикультурализма (хотя бы на примере пожаров в пригородах Парижа и, уже в 2011 году – в пригородах английских городов, или беря более близкий нам пример – события в карельской Кондопоге и в свердловской Согде).

И здесь мы снова сталкиваемся с противоречием между правами человека как индивидуума и групповыми правами, под которыми многие понимают культурные традиции той или иной группы, между универсальными правам человека и по определению различающимися культурными традициями различных социальных, этнических и религиозных групп. В данном случае, по видимому, разумно говорить и о пределах толерантности. Действительно, можно вполне согласиться с Д.И.Луковской, что

²⁰ См., например: Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации. // Государство и право, 2005, №5. С. 66-72; Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность, 2004, 1. С.135-146; Peter Juviler. Which Rights Should Be Universal? // Human Rights Quarterly. Baltimore: Feb 2006. Vol.28, Iss. 1. P. 281

²¹ Малинова О.Ю. Универсальные права человека и вызовы культурного релятивизма. // Civitas, 2003, 1. С. 11-16; Goodhart Michael. Origins and Universalities in Human Rights Debates: Cultural Essentialism and the Challenge of Globalization. // Human Rights Quarterly, 2003. Vol. 25.P. 935-964.

²² См., подробнее: Сунгуров А.Ю. Общие вопросы толерантности. // Толерантность: введение в понятие. Учебное пособие. СПб.: Изд-во Юрис, 2007. С. 9-30; Сунгуров А.Ю. Толерантность в политике. // Там же. С. 39-59.

²³ Хомяков М. Б. Уральский межрегиональный институт общественных наук: прояснение концептуальных оснований проекта. // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных наук. 2001, №1. http://virlib.eunnet.net/vestimion/01_02/000.html

²⁴ Horton J. Liberalism, multiculturalism and toleration // Liberalism, multiculturalism and toleration / Ed. by J. Horton. Macmillan, 1993. P. 3

«риторика «права каждой культуры на самовыражение» может скрывать не просто тенденцию к самоизоляции, но и возможные тоталитарные притязания. Здесь можно привести одно на первый взгляд шокирующее высказывание: «Если культура каннибала ничем не уступает культуре либерала, то либерал должен быть готов отдать себя на съедение»²⁵.

Подчеркнем, что критика толерантности, также как и критика концепции универсальных прав человека, в академической сфере ведется с двух позиций: сторонники «культурного консерватизма», например, интеллектуалы «группы Солсбери»²⁶, обвиняют толерантность в разрушении традиционных для данных обществ ценностей, а постмодернисты полагают, что толерантность как ценность устарела, поскольку, будучи основана на поиске некоторого консенсуса в обществе, не соответствует состоянию "плюрализма ценностей", делающему невозможным какой бы то ни было консенсус и согласие вообще²⁷. Тема соотношения прав человека и толерантности развивает также в рамках этой книги А.С.Карцов²⁸.

Концепция прав человека становится сегодня актуальной и в рамках проблем современной теории международных отношений. Прежде всего, отметим, что сама новая послевоенная архитектура международных отношений, создание Организации Объединенных Наций, связаны, по сути, с признанием приоритета универсальности прав человека над принципом национального суверенитета²⁹. Действительно, в рамках ООН объединились страны, признавшие по сути этот приоритет, хотя многие из них, включая и Советский Союз, считали, что могут признавать этот суверенитет только формально. Сегодня развитие как системы ООН, так и региональных систем защиты и продвижения прав человека (включая, например, Совет Европы) уже неотвратимо изменяют картину мирового устройства, которая все дальше отдаляется от вестфальской картины мира³⁰.

С этим процессом связаны две реальные проблемы, касающиеся понятия «права человека». Прежде всего, политические элиты многих стран бывшего СССР, включая и Россию, далеко не единодушны в признании приоритета прав человека. Для многих представителей современной российской политической и административной элиты, особенно имевших опыт работы в советских спецслужбах, понятие национального суверенитета, государственных интересов по прежнему выше, чем права конкретного человека. Такие позиции, как правило, не афишируются, но все бывают и достаточно откровенные публичные признания³¹. Отметим, что представление о незыблемости

²⁵ Дженева Луковская. Проблема универсальности прав человека. // История государства и права, 2007, № 12. С.32-35. <http://www.lebed.com/2007/art5194.htm>

²⁶ Scruton R. The meaning of conservatism. – Harmondsworth: Penguin, 1980; Conservative Essays. / Ed. M.Cowling. London: Cassel, 1978.

²⁷ Л.Дробижина, М.Хомяков. Новые подходы в изучении и преподавании идей толерантности как результат реализации программы Уральского МИОН. // сайт www.tolerance.ru, раздел «Библиотека».

²⁸ А.С. Карцов Права человека и толерантность. // Права человека перед вызовами XXI века. – М.: РОССПЭН, 2012. С.253-269.

²⁹ Морозов Г. Миротворчество и принуждение к миру. // МЭиМО, 1999, №2. С. 60-69; Карташкин В.А. Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире. // Юрист-международник., 2003, 3. С. 2-10.

³⁰ См., например: Амитай Этциони. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004; В.А.Карташкин. Реформирование Организации Объединенных Наций и международная защита прав человека в глобализирующемся мире. // Право и права человека в условиях глобализации. (Материалы научной конференции). Посвящается 80-летию ИГП РАН. / Отв.ред. Е.В.Лукашева, Н.В.Колотова. – М. 2006, с. 167-176; В.А.Карташкин. Реформирование правозащитных механизмов ООН: глобальные и национальные последствия. // Права человека перед вызовами XXI века. – М.: РОССПЭН, 2012. С.270-287.

³¹ Виктор Черкесов. Мода на КГБ? Неведомственные размышления о профессии

национального суверенитета, о недопустимости в принципе гуманитарных интервенций разделяется и многими представителями академической элиты и широко распространено в современном российском обществе³². Результатом является непонимание логики действий политических лидеров других стран, уверенность, что за использованием выражений «в интересах соблюдения прав человека» всегда стоят какие-то свои национальные экономические или геополитические интересы, что не может не приводить к реальным конфликтам в международных отношениях.

Второй проблемой является то, что в некоторых случаях поиск геополитических и иных корыстных интересов и в самом деле оправдан. Действительно, мир еще далек от гармонии, и в некоторых случаях забота о соблюдении прав человека в других странах действительно является прикрытием для расширения своей сферы влияния или иных целей, существенно далеких от гуманитарных, либо просто совершаются политические ошибки, как это произошло, например, с американским вторжением в Ирак, либо с фактическим отторжением Косово от Сербии³³. На наш взгляд, политика, как внутренняя, так и международная, всегда определяется соотношением как интересов участников процесса, так и их ценностей³⁴, вопрос лишь в правильном учете их соотношения в каждом конкретном случае. Кроме того, в условиях глобализации субъектами международных отношений являются уже далеко не только национальные государства, но и международные организации³⁵, и транснациональные корпорации, международные неправительственные организации, включая и правозащитные³⁶. Ясно, что относительный вес ценностей, среди которых важную роль играют права человека, и интересов для каждого из этих «игроков» будет различным. Соответственно, на смену теории международных отношений, где основными субъектами были государства, постепенно приходит теория мировой политики³⁷, и классические либеральный и реалистический подходы к пониманию международных отношений сегодня видоизменяются, и в этих трансформациях уже не может не учитываться концепция прав человека – и как ценностная, нормативная конструкция, и как важный фактор современной мировой политики³⁸.

<http://www.kp.ru/daily/23433/35559/>

³² Сунгуров Александр. Миропорядок в XXI веке: суверенитет государства и защита прав человека. . – В кн.: Миропорядок после Балканского кризиса. Новые реальности меняющегося мира. – М.: Изд-во “Добросвет”, 2000, с. 82-93. <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=301>; Бажанов Валентин. К оценке влияния Балканского кризиса на процессы глобализации в России. Опыт истолкования общественного бессознательного. Там же, с. 241-245.

³³ Ильин М.В. Война в Югославии: от жертвоприношении Сербии к самоубийству Запада? // Полис, 1999, 2, с. 110-113.

³⁴ См., например: Барышников Д.Н. Идеология в мировой политике. // Политэкс, 2006., том 2, №4, с. 97-108; Алексей Богатуров. Контрреволюция ценностей и международная безопасность. // Россия в глобальной политике. 2008, т.6, № 2, с. 4-15; Ланцов С.А. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений: теоретические концепции и внешнеполитическая практика. // Политэкс, 2005., том 1, №3, с. 102-113.

³⁵ Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации: социологический подход. // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, 4, с. 79-91.

³⁶ Маркс Р. Миротворчество и неправительственные правозащитные организации.

– В кн.: Российский бюллетень по правам человека, Выпуск 11, М.:Институт прав человека, 1999, с. 28-37

³⁷ Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006; Меркушев В.Н. Права человека в мировой политике: современные теоретические модели. // Полис, 2006, 4, с. 139-148.

³⁸ См., напрмер: Карцов А.С. Права человека как объект и ресурс внешней политики. // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. / Редкол.: А.Ю.Сунгуров (отв. ред.) и др. – М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 258-268

Остановимся теперь на такой части характеристики понятия прав человека, как «инструмент ограничения власти правительства (государства) над человеком». Как пишет в своей работе один из виднейших исследователей в области прав человека Джек Донелли, «Требования соблюдения прав человека сущностно экстралегальны (*выходят за пределы существующего нормативного поля* – А.С.) – их главная цель поставить под сомнение или изменить существующие институты, практики или нормы, особенно юридические институты и нормы.»³⁹. Важно подчеркнуть, что две обозначенные Джеком Донелли компоненты главной цели – «поставить под сомнение или изменить» существующий порядок вещей обычно достигаются различными людьми и социальными группами. Одни «ставят под сомнение», и это, как правило, люди с активистской направленностью, при этом они используют весь спектр возможных действий, включая и опасные для их собственной свободы и даже жизни. Другие же, получив право принятия нормативных актов и иных решений в результате действия первых, начинают уже «менять юридические институты и нормы». В редких случаях, как это произошло с российскими правозащитниками – Народными депутатами РСФСР, Моссовета и Ленсовета в 1990 г. – одним и тем же людям (С.А.Ковалев, Ю.А.Рыбаков, В.В.Борщев) на протяжении кратких отрезков времени после долгих лет борьбы с режимом удавалось принимать участие в изменении юридических институтов и норм.

Эта экстралегальность была заложена уже в первом легальном документе, в котором фигурировали права человека – в Декларации независимости США: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью... В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье»⁴⁰.

В современной науке это право трактуется как право на гражданское неповиновение⁴¹, а член-корр. РАН, д. юр. н., проф., зав. кафедрой государственного строительства и права РАГС при Президенте РФ Г.В.Мальцев пишет даже о долге гражданского неповиновения⁴². В историческом плане примерами гражданского неповиновения могут служить, например, в XIX веке – действия и жизнь Генри Торо в США и Льва Толстого в России, в веке XX – Махатмы Ганди в Индии, Мартина Лютера Кинга в США и сотен правозащитников в СССР. В то же время в современном российском государстве на рубеже нулевых и десятых годов XXI века многим активистам снова приходится выражать свою гражданскую позицию способом гражданского неповиновения – например, выходя на несанкционированные митинги в защиту права на митинги и демонстрации. Милиция при этом используется для недопущения или разгона подобных митингов, выполняя распоряжения своего начальства, не задумываясь об их законности и конституционности. Одновременно законодатель принимает законы по

³⁹ Donnelly Jack. Universal Human Rights in Theory and Practice. – Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1989. P. 14.

⁴⁰ Декларация независимости США. // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. - М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 25.

⁴¹ Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Полис, 2007, 4, с. 83-99; см. также статью «Гражданское неповиновение» в интернет - словаре «Кругосвет» <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/2/2e/1012987.htm>

⁴² Мальцев Г.В. Существует ли долг гражданского неповиновения? // Национальные интересы, 2005, №2. http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/ubilmysl2_05/maltsev2_05/

борьбе с экстремизмом, при расширительном толковании которого под него вполне попадают и акции гражданского неповиновения. В правовом государстве акции гражданского неповиновения обращают внимание законодателя на необходимость изменения несправедливых законов, противоречащих правам человека. А что делать, если в недостаточно правовом государстве эти акции расцениваются как экстремистские, с которыми нужно бороться и которые необходимо пресекать? Поиску ответов на эти и близкие к ним вопросы и посвящена, собственно говоря, политология прав человека, которая стала предметом специального анализа в рамках этой книги в тексте В.В.Смирнова⁴³.

Наконец, упомянем здесь такую важную проблему, как соотношение ценностей безопасности и прав человека, которая становится актуальной в условиях роста угрозы терроризма. Очень многие люди готовы пожертвовать частью своих прав в обмен на рост гарантии их безопасности. Второй аспект этой проблемы – это угроза пренебрежения правами человека со стороны силовых структур в условиях борьбы с террористической угрозой. Если и в странах с долгими традициями демократии и уважения прав человека говорят о сужении сферы прав человека в ситуации борьбы с терроризмом, то в условиях стран без таких традиций эта сфера может уменьшиться и до полного исчезновения⁴⁴. Не случайно в рамках сформулированной в апреле 2011 года инициативе по созданию Международного университета ООН по безопасности и социальному развитию особое внимание уделялось вопросам обеспечения прав человека в процессе всех действий по обеспечению безопасности⁴⁵.

Права человека как предмет междисциплинарного исследования и обсуждения

Политология права или юридическая политология

Можно констатировать, что, по крайней мере, до недавнего времени большинство исследований и публикаций по проблемам прав человека в нашей стране происходило в рамках юридической науки, и более конкретно, правоведения. В то же время именно в современной российской юриспруденции отсутствует общее для всех понимание сущности самого права. Сегодня в российском правоведении мы, вслед за Д.И.Луковской⁴⁶, можем выделить несколько основных подходов к пониманию прав человека, и соответственно, самого права. Прежде всего, это сторонники классического естественного права, которые утверждают, что права человека являются его неотъемлемыми свойствами и принадлежат каждому с момента рождения. Закрепление в

⁴³ В.В. Смирнов Политология прав человека: права человека в политике и политические права в России. // Права человека перед вызовами XXI века. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 71-90.

⁴⁴ Подробнее см.: Зорькин Валерий. Спецслужбы, полиция и права человека. // Россия в глобальной политике. 2006, т.4, N 6, с. 30-36; Смирнов В.В. Борьба с терроризмом и права человека. – В кн.: Российско-американские отношения в условиях глобализации. – М.: РОО Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук., 2005, с.281-295; Conog GEARTY. Terrorism and Human Rights. // Government and Opposition, 2007, V. 42, N 3, pp. 340-362

⁴⁵ Александр Сунгуров. Идея международного университета ООН по проблемам безопасности и социального развития обсуждалась на форуме в Белладжии. <http://politprikklad.net.ru/node/949>

⁴⁶ Луковская, 2007.

правовом акте не означает трансформации естественного права человека в позитивное право, оно лишь приобретает форму позитивного права и гарантии его реализации⁴⁷.

Неотъемлемость прав человека, но уже как субъекта социальных отношений признается сегодня в рамках антрополого – коммуникативного подхода⁴⁸ (автор этого подхода, профессор А.В.Полякова, представлен и среди авторов этой книги⁴⁹), а также близкой к нему по сути либертарно-юридической концепции⁵⁰. Эти подходы сообщают противостояние традиционному для советского права этатистскому, юридико-позитивистскому пониманию первоисточника права вообще и прав человека в частности. При этом, в отличие от большинства европейских стран, позитивистское понимание права и прав человека распространено среди ученых и преподавателей-юристов достаточно широко. Результатом является, на наш взгляд, серьезное, если не подавляющее преобладание сторонников такого взгляда на права человека среди современных российских государственных служащих, включая и руководство силовыми структурами, что представляет собой одну из основных проблем продвижения прав человека в нашей стране. Более детально проблема позитивистского понимания права, широко распространенного в современной России, раскрыта далее в тексте М.Ю.Мизулина⁵¹.

В общем поле ведения для права и политической науки находятся такие вопросы, как правотворчество и правоприменение. В первом случае реализация прав человека на справедливую власть зависит, в том числе и от того, насколько он может законным образом влиять на изменения нормативного поля и отдельных законодательных актов в частности. Насколько открыт путь к участию граждан в законодательном процессе, например, существует ли право законодательной инициативы у общественных организаций, как это имеет место в Республиках Карелия и Тува, в Кабардино-Балкарской и Удмуртской Республике, или им обладают группы избирателей определенной численности (Республики Ингушетия и Тува, Удмуртская республика)⁵². Инициативные граждане и их объединения могут, в принципе, действовать и не напрямую, а через различных посредников – через политические партии, через своих депутатов. Важно, однако, чтобы парламент был действительно «местом для политических дискуссий», а не способом штамповки проектов нормативных актов из Администрации и заслоном для законопроектов из иных источников. Естественно, что необходимым условием для этого является реальная политическая конкуренция, наличие или отсутствие которой также должно стать, наряду с вопросом о том, как влияют конкретные политические

⁴⁷ Рассказов Л.П., Упоров И. В. Естественные права человека. СПб., 2001; *Анисимов П.В.* О методологическом и практическом значении права человека на правовую защиту в формировании правозащитного направления отечественной юридической науки // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации. Н.Новгород. 2003.

⁴⁸ Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации. // Правоведение, 2006, 2, с. 26-43; Поляков А.В. Возможна ли интегральная теория права? // Государство и право на рубеже веков (материалы всероссийской конференции): Проблемы теории и истории. М., 2001.

⁴⁹ А.В.Поляков. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека. // Права человека перед вызовами XXI века. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 29-49.

⁵⁰ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии, 2002, 3, с. 3-15; В.А.Четвернин. Современная либертарно-юридическая теория. // Ежегодник Либертарно-юридической теории. Выпуск 1 / ред.-сост. В.А.Четвернин; ГУ-ВШЭ. – М.: Теис, 2007, с. 5-8.

⁵¹ М.Ю. Мизулин Юридический позитивизм как старый и новый вызов концептуализации права и доктрины прав человека. // Права человека перед вызовами XXI века. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 50-70.

⁵² Беляева Н.Ю. Законодательные инициативы общественных объединений. - В кн.: Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник. - М.: Изд-во "Аслан", 1997, с. 66-81.
<http://ethics.iph.ras.ru/works/GU/7.htm>

обстоятельства на появление и закрепление тех или иных правовых норм, предметом изучения политологии права или юридической политологии⁵³.

Однако, даже если самый хороший и справедливый с точки зрения прав человека закон будет принят, то для российских традиций еще требуется, чтобы чиновники исполнительной власти признали его обязательным к исполнению. Действительно, как отмечал еще в начале XX века российский юрист и сотрудник царского правительства фон Бринкман, российские чиновники со времен Ивана Грозного научились отделять закон правомощные, направлены на интересы опричнины и государственного двора в целом, за неисполнение которых и голову могут снести, от законов неправомощных, направленных за земщину, то есть на остальных жителей страны, за невыполнение которых могут и вообще не наказывать⁵⁴. Эти традиции благополучно пережили советское время и процветают сегодня. Эти проблемы, тесно связанные с проблемой реализации основных прав человека, также должны стать предметом междисциплинарных исследований на стыке правоведения, политологии и государственного и муниципального управления⁵⁵.

Права человека: культурологический аспект

Мы уже отмечали ранее существование противоречия между концепцией универсальности прав человека и представлениями мультикультурализма. Действительно, сама концепция прав человека является продуктом христианской европейской культуры, более того, она возникла внутри протестантской ветви христианства. Последователи католичества восприняли эту концепцию далеко не сразу, а в рамках православной субкультуры и сейчас ведутся острые дискуссии и приемлемости общепризнанных универсальных норм прав человека, выдвигаются собственные трактовки прав человека. И это только внутри христианской культуры. В мире же существуют и иные религиозные системы, такие, как ислам, иудаизм, буддизм и т.д.⁵⁶. Насколько оправдано навязывать порождение одной из культур остальным?

Как известно, именно исходя из таких соображений в 1947 году, в канун голосования Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу принятия Международной Декларации прав человека, Американская антропологическая ассоциация (ААА) обратилась с заявлением в комиссию, занимающуюся подготовкой проекта Декларации с протестом против универсализации прав. Ассоциация антропологов доказывала, что уважать права индивидуума – значит, уважать культурные различия, поскольку индивидуум реализует свою личность в рамках своей культуры и не существует методики, при помощи которой можно было бы дать количественную оценку значимости той или иной культуры, стандарты и ценности релевантны той культуре, которая их породила⁵⁷. Отметим, что некоторое время спустя американская ассоциация антропологов отозвала

⁵³ О необходимости развития юридической политологии писал еще пять лет назад в предисловии к сборнику В.В.Смирнов: Открытое государство: пути достижения./ Отв. ред. В.В.Смирнов. – М., 2005.

⁵⁴ фон Бринкман А. Неполномощные законы (К психологии русской исполнительной власти) (Предисловие И.Л.Беленького). // Полис, 2006, 1, с. 110-121.

⁵⁵ Эти проблемы отчасти рассматриваются сегодня в работах А.В.Оболонского: Оболонский А.В. Мораль и право в политике и управлении. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006; А.В.Оболонский Реформа российской государственной службы: концепция и стратегия // Общественные науки и современность, 1998, №3, с. 5-15.

⁵⁶ Сравнению взглядов различных религиозных конфессий на права человека посвящен текст Р.Л.Сюкияйнена в этой книге: Л.Р.Сюкияйнен. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов. // Права человека перед вызовами XXI века. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 98-125.

⁵⁷ Сяорон Ли. Постмодернизм и универсальные права человека
http://russ.ru/ist_sovr/other_lang/20000929_kun.html

это письмо. Однако проблема соотношения уважения к культурным различиям и универсальности прав человека все же остается.

Французский католический философ Жак Маритен в своей книге «Человек и государство» понимает под правами человека некий свод практических истин, касающихся их совместной жизни, по поводу которых они могут прийти к согласию, но которые зависят от их идеологических предпочтений, философских и религиозных традиций, культурных предпосылок и их исторического опыта, то есть от предельно различных или даже в основе своей противоположных теоретических воззрений. При этом он считает, что тщетно было бы искать общее *рациональное обоснование этих*, выводов и этих прав. Более того, он уверен, если мы это делали, то рисковали бы впасть в произвольный догматизм или были бы вскоре остановлены непримиримыми разногласиями. Он пишет далее «Во время одного из заседаний Французской национальной комиссии ЮНЕСКО, на котором обсуждались права человека, кто-то удивился тому, что известные сторонники жестко противоборствующих идеологий пришли к согласию по поводу проекта перечня этих прав. Да, отвечали они, мы согласились по поводу этих прав, *полагая, что нас не спросят почему*. С этого "почему" начинается полемика»⁵⁸.

Приведем в продолжение этой темы цитату из текста молодого ученого и правозащитника Александра Марченкова: «В мире, где все относительно, где все сдвинулось с мест и пребывает в постоянном движении, права человека – это точка опоры, система универсальных правовых и этических координат, в которых общество может определить степень своей пригодности для цивилизованного, достойного существования. Наличие и признание «базового характера» ценностей прав человека как бы «якорит» постмодернистскую реальность»⁵⁹.

Итак, одной из центральных проблем современной цивилизации становится противоречие между универсализмом, с одной стороны, и множественностью самобытных культур – с другой. Глобализационным стремлениям, ориентированным на унификацию и единство, противостоит стремление национальных культур к сохранению своей идентичности. В этой ситуации можно до бесконечности спорить о сущности прав человека с позиции различных культур, а можно рассматривать их как факт или практической договоренностей, который помогает мирной жизни в сложном разделенном мире, или, по словам А.Марченкова, как якорь в бесконечно изменчивом постмодернистском мире. Это же относится и к понятию толерантности, тесно связанному с понятием прав человека. И в этой связи можно согласиться с М.Б.Хомяков, считающим, что толерантность может стать неким нормативным медиатором, посредником между национальной культурой, с одной стороны, и глобальной цивилизацией – с другой⁶⁰.

Проблема соотношения принципа универсальности прав человека и особенностей культуры различных стран рассматривается далее подробнее в тексте С.И.Глушковой⁶¹, а применительно к специфике российской цивилизации – в тексте Е.А.Лукашовой⁶².

⁵⁸ Жак Маритен. *Человек и государство*. - М.: Идея-Пресс, Дом Интеллектуальной книги, 2000

http://www.krotov.info/libr_min/m/maistr/marit_00.html

⁵⁹ А.А.Марченков. *Образование правозащитноориентированных коммуникативных сообществ через текст // Права человека в контексте российской модернизации.* – Пермь: НОУ «Западно-Уральский институт экономики и права», 2007, с. 189.

⁶⁰ Хомяков, 2001.

⁶¹ С. И. Глушкова. *Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма. // Права человека перед вызовами XXI века.* – М.: РОССПЭН, 2012. С. 140-162.

⁶² Е.А.Лукашова. *Российская цивилизация и права человека. // Права человека перед вызовами XXI века.* – М.: РОССПЭН, 2011. С. 126-139.

Права человека в медико-биологическом контексте.

С концепцией прав человека связано рассмотрение разных человеческих проекций, или измерений. Человек как юридическое лицо и субъект права – в правоведении, человек как актер, участник политической жизни страны – в политологии, человек как представитель конкретной культуры – в культурологии. Возможен и ракурс, в рамках которого человек рассматривается просто как живой человек, обладающий телом. Именно с учетом такого ракурса, например, известный социолог Брайан Тернер обосновывает в своих работах естественный характер прав человека «хрупкостью» (frailty) человека и его тела, с неизбежностью вызывающей необходимость «защитных» социальных институтов⁶³.

С живым человеком, обладающим телом, связаны и ряд проблем, которые сегодня пока не являются предметом широких публичных дискуссий в нашей стране, но уже стали таким предметом в странах Европы и Северной Америки. В рамках концепции прав человека одним из наиболее устоявшихся и общепринятых прав является право на жизнь. При этом любое явление, как подчеркивал на своих лекциях президент Варшавского Хельсинского фонда Марек Новицкий, для понимания любого явления можно начать его изучение с граничных условиях. В случае человеческой жизни границами является ее начало и ее конец.

Вопрос о начале человеческой жизни тесно связан с правом женщины на аборт. С какого момента мы можем говорить о начале человеческой жизни, с какого момента мы видим конфликт между правом женщины распоряжаться своим телом и правом на жизнь маленького существа. По современному российскому законодательству жизнь начинается с момента рождения, но и ислам и христианская церковь, как православная, так и католическая, придерживается другого мнения, рассматривая искусственный аборт как убийство⁶⁴. Отметим, что сегодня и многие ученые обращают внимание на спорность отсчета начала жизни с момента рождения⁶⁵. При этом и в светском праве есть разночтения. Так, например, гражданское законодательство все же признает человеческий статус "эмбриона", например, включая зачатого при жизни, но еще не рожденного в момент смерти наследодателя ребенка в круг законных наследников⁶⁶. Иначе говоря, на протяжении первых девяти месяцев своей жизни человек в Российской Федерации обладает гражданскими правами, но не обладает конституционными. Декларация прав ребенка, принятая Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года, гласит: "... ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения". То есть в международных документах понятие «ребенок» относится и к моменту до рождения. Остается выяснить – с какой недели беременности? Ясно, во всяком случае, что здесь имеются все основания для серьезной дискуссии.

⁶³ Turner, Bryan S. Outline of a Theory of Human Rights. // Sociology, 1993, 27:3, p. 489-512

⁶⁴ См., например: Сергей Волобуев. Аборты, эвтаназия, смертная казнь и конституционное право на жизнь. Мысли к 20-летию Конституции. 2008. http://www.religare.ru/2_60386.html

⁶⁵ См., например: Беседкина Н.И. Права неродившегося ребенка. Государство и право, 2006, 4, с.54-60; Рашидханова Д. К. Правовое регулирование отношений при производстве медицинского вмешательства в репродуктивные процессы человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Ростов - на - Дону, 2005

⁶⁶ Гражданский кодекс, ст. 1116.

Обратимся теперь к проблемам, связанным с концом человеческой жизни. Здесь вполне законен вопрос: Если человек имеет право на жизнь, то имеет ли он право на добровольный уход из жизни, то есть право на смерть? Имеется в виду прежде всего проблема эвтаназии. И здесь также существуют диаметрально противоположенные точки зрения. Так, например, правоведы Ю.А.Дмитриев и Е.В.Шленева делают однозначный вывод о праве человека на добровольную смерть. Основным их доводом является логический подход к рассмотрению конституционно-правовой нормы, проистекающий из демократизма ныне существующего Верховного закона страны. «Конституционное установление права на жизнь логически означает юридическое закрепление права человека на смерть. Очевидно, раз право на жизнь относится к числу личных прав человека, его реализация осуществляется им индивидуально и самостоятельно, независимо от воли других»⁶⁷. Близких позиций придерживаются и другие ученые-юристы⁶⁸, а также А.П.Зильбер – известный в стране ученый – анестезиолог⁶⁹.

С другой стороны, как убедительно показано в статье Ковалева, право на смерть, трактуемое как самоубийство, может иметь достаточно четкие характеристики, и эвтаназия в перечень этих характеристик не попадает⁷⁰. Эвтаназия подразумевает прямое участие государства в процессе лишения жизни смертельно больного по его просьбе, или, по крайней мере, отсутствие наказания на такое деяние. Пока же такое наказание предусмотрено в законодательстве многих стран. Кроме того, и в этом случае большинство религий крайне отрицательно относятся к самоубийству вообще, и к праву на эвтаназию в частности. Вопрос осложняется еще и тем, что отмена уголовного преследования за эвтаназию может привести к недоверию к врачам вообще в критических ситуациях, тем более, что в реальных случаях тяжело больных имеют место различные пограничные ситуации.

Мы видим, таким образом, наличие многих нерешенных проблем, связанных как с правом на аборт, так и с правом на уход из жизни по собственному желанию, в особенности с посторонней помощью. Необходим, на наш взгляд, поиск решений этих проблем в рамках как сугубо научных, так и более публичных дискуссий, в которых только и может формироваться реальное общественное мнение по проблемам прав человека, а также вырабатываться лучшее понимание самой концепции прав человека.

Рассмотренные нами проблемы, связанные с концепцией прав человека, их анализ в рамках политической и юридической науки, в рамках других наук и междисциплинарных подходов убедительно показывают, что обсуждаемая концепция становится существенной частью нашей жизни, и что для осмысления этого понятия необходимо сотрудничество самых разных наук. Такой комплексный характер этого понятия дает основания некоторым ученым, включая и известного российского юриста,

⁶⁷ Дмитриев Ю. А. Шленева Е. В. «Право человека в РФ на осуществление эвтаназии». // Государство и право, 2000, № 11, С. 52.

⁶⁸ См., например: Крусс В.И. Личностные (соматические) права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы. // Государство и право, 2000, 10, с. 43-50;

⁶⁹ Зильбер А.П. Трактат об эвтаназии. Петрозаводск. Изд-во ПетрГУ, 1998.

⁷⁰ Ковалев М. И. «Право на жизнь и право на смерть» // Государство и право, 1992, № 7.

профессора Ф.М.Рудинского, говорить о появлении новой науки – науки прав человека⁷¹. Станет ли обсуждаемое нами междисциплинарное научное направление отдельной наукой – на это ответит только его развитие, но уже сейчас ясно, что в рамках этого направления находится сегодня громадное поле для исследований.

Подводя итог выполненному в рамках настоящей работы анализу, мы можем сделать вывод о том, что вряд ли перспективно искать какое-либо логическое обоснование универсальности концепции прав человека, так как всегда найдутся критики, исходящие из принципа равенства различных культур. Как нам кажется, более верным присоединиться к позиции Жака Маритена⁷² и рассматривать концепцию прав человека как случившийся факт, как способность людей разных взглядов и убеждений договориться об общих принципах совместной жизни на этой планете. Для тех же, кто всегда стремится к познанию сути вещей, понятие прав человека помогут, как образно написал Александр Марченко⁷³, закориться, то есть приобрести устойчивость, опору в постмодернистском океане текучих представлений. В практическом же плане дискурс прав человека, также как и связанный с ним дискурс толерантности, уже становится важной медиаторской площадкой для обсуждения и решения самых сложных проблем современности.

⁷¹ Рудинский Ф.М. Наука прав человека - предмет, функции, современные методологические проблемы. 2007. <http://www.jourclub.ru/5/406>

⁷² Маритен, 2000

⁷³ Марченко, 2007